В просторной спальне.

— Как дела? — серьезный голос прозвучал настолько низким тоном, словно мог пробить пол. Арчен склонил голову, извиняясь перед своим господином.

— Мне очень жаль, мой господин, мы стараемся изо всех сил, чтобы найти его.

— Ты даже не можешь сделать свою работу должным образом… — голос хозяина был полон критики.

Арчен низко склонил голову, повторяя:

— Я прошу прощения, мой господин.

— Почему, разве ты не сказал, что спешишь?

Господин, сидевший на просторном диване на одного человека, пристально смотрел на Арчена. В его свирепых темно-фиолетовых глазах не было ни капли сочувствия.

— Мы постараемся найти его как можно скорее.

Если бы это был другой человек, он не смог бы ответить на этот вопрос без дрожи. Арчен привык к этому, ведь он знал своего хозяина уже несколько десятилетий. Но он не мог не почувствовать, как по его позвоночнику пробежал холодок. Даже спустя десятилетие, общаясь со своим хозяином, он оставался прежним. Это было связано с его чертой характера — не проявлять доброту даже к своим детям. Для его хозяина люди делились на две части. Были ли они бесполезны или полезны для него? Это правило распространялось и на его детей. — Бесполезные.

Хозяин Арчена щелкнул языком, глядя на человека, лежащего на широкой кровати. Он сморщил лицо, выражая недовольство. Арчен осторожно перевел взгляд на кровать. На двуспальной кровати, рассчитанной на пять человек, лежал один человек. С закрытыми глазами, словно мертвый, он был хозяином комнаты. Он был нездоров, поэтому новое белое пушистое одеяло покрывало его до самой шеи. Его бледные губы уже потеряли свой цвет и приобрели синеватый оттенок. Костлявое лицо словно просвечивало через две тонкие щеки. Казалось, что он давно не ел. Однако его губы и кожа сияли, показывая, что о нем хорошо позаботились. Черные волосы были свободно разбросаны по белой подушке, словно одеяло. Подобно тому, как осенние листья отмирают и падают на землю, звук дыхания, исходящий от него, был настолько слабым, что было понятно — он мог умереть в любой момент. Никто бы не удивился, если бы он лишился жизни этой ночью.

— Вердик.

Когда яркий солнечный свет померк на фоне заходящего солнца, хозяин Арчена встал с дивана и позвал дворецкого.

— Да. Вы звали меня, господин? — Вердик откликнулся на зов, поспешно открыл дверь и вошел.

— Сколько времени ему осталось?

— Вчера доктор сказал, что максимум год или два.

Когда он взглянул на кровать и спросил, Вердик понял его вопрос и ответил.

«…»

Арчену захотелось закрыть уши. Он бессознательно закрыл глаза, но он не мог поверить, что его хозяин говорит о времени, оставшемся до смерти человека. Жестокость его хозяина, которая не менялась со временем, была жуткой.

— Арчен…

— Да, мой господин, — Арчен поспешно поклонился на зов своего господина.

— Приведи этого человека ко мне любой ценой.

— Да, я понимаю.

— Если они откажутся, ты можешь привести их с умеренно сломанными конечностями. Но не калечь их. Они будут бесполезны.

— …Я принимаю ваш приказ.

В ответ на злобные замечания своего хозяина, Арчен проглотил сухую слюну и принял приказ. Попрощавшись, он быстро вышел за дверь. Его бледное лицо показывало, как он нервничал, находясь перед своим хозяином.

Арчен покинул особняк и снова принялся за расследование. Он был подчиненным, принадлежащим этой семье. Он не имел права отказываться от приказов своего хозяина. Он должен был как можно скорее найти этого человека и привести его к своему хозяину. Этого хотели его семья и его хозяин. Поэтому он должен был привести этого человека, даже если ему придется сломать ему конечности.

* * *

Серсиния открыла кухонный шкаф, чтобы приготовить простую похлебку на обед. Отодвинув тарелки, она схватила большую миску с мукой и вытащила ее. Обычно она должна быть тяжелой, но что это за вес, легкий как перышко? Это было странно.

— О, черт… Внутри было пусто.

Она была смущена неожиданным истощением запасов пищи. Еды, которой можно было бы питаться больше недели, если бы она была одна, теперь не хватало, так как количество ртов, которые нужно было кормить, увеличилось. У нее не было денег, чтобы купить еду на рынке, потому что все свои деньги она тратила в игорном доме.

— Если бы только я получала деньги правильно.

Этого бы не произошло, если бы она правильно получила деньги от фишек, насыпанных в мешок. Нет, если бы она получила деньги, она бы не взяла с собой Бена, поэтому у нее не закончилась бы еда.

Бам

Отбросив все мысли, она поставила миску обратно в буфет и закрыла его.

— Что случилось, Серсиния? — спросил Бен, глядя на закрытый шкаф.

Только тогда Серсиния почувствовала неладное. Она изо всех сил сдерживала выражение лица, прежде чем повернуться к нему. Она никак не могла сказать, что у нее закончилась еда. Более того, она была уверена, что Бен будет винить себя и жалеть ее.

— Я хочу поесть мяса в кои-то веки, поэтому я хочу пройтись по магазинам.

— Я присоединюсь к тебе! — Бен поднял одну руку, его глаза ярко блестели. Он был похож на студента, которому не терпится сделать презентацию во время урока.

— Оставайся дома. Я пойду одна.

К сожалению, Серсиния покачала головой и отказалась. Она думала о том, как раздобыть денег, продав все имеющиеся у нее аксессуары. Незачем показывать такой жалкий вид Бену. В течение недели, которую она принесла ему в качестве залога, она хотела, чтобы Бен чувствовал себя комфортно, ни о чем не заботясь.

— Я хочу носить твои продукты...

Бен опустил руку, в его глазах появилось жалкое выражение.

— Нет, нет, — быстро сказала Серсиния, избегая взгляда Бена.

Она почти купилась на его щенячьи глаза. Было что-то такое в этих глазах, что заставляло людей чувствовать себя плохо. Очевидно, что если бы она продолжала смотреть на него, то приняла бы его таким, каким он хотел, поэтому она избегала его взгляда.

— Серсиния...

— Нет, я пойду одна.

Серсиния снова была тронута тем, как искренне он называл ее имя, но она отказалась поддаться на это из-за своей решимости. Серсиния быстро направилась в свою комнату. Она не хотела показывать Бену, что продает свои аксессуары, потому что у нее закончились деньги. Войдя в комнату, она увидела в углу туалетный столик, поражающий своим великолепием. Серебряный туалетный столик с великолепным золотым узором, который контрастировал со старым домиком.

Хотя Серсиния так любила наряжаться, что ее дом был похож на дом нищего, она не жалела денег на одежду, косметику и украшения. Предметы роскоши всегда были новыми и блестящими, даже если в доме не было ремонта. У нее была причина тратить богатство, оставшееся от родителей. Серсиния открыла ящик одного из шикарных туалетных столиков. В нем оставалось всего несколько драгоценностей. Когда-то ящик был полон ими, но все они были распроданы, и осталось лишь несколько.

До того, как она овладела телом Серсинии, она продавала драгоценности со слезами на глазах, потому что у нее не было денег на жизнь из-за ее импульсивной привычки тратить деньги.

«Это облегчение. Если бы не это, я бы умерла с голоду.»

Она подняла одинокое серебряное кольцо, лежавшее в пустом ящике.

«Этого, наверное, хватит, чтобы купить еды на две недели.»

Она надела кольцо на свой длинный белый указательный палец. Она носила только одно кольцо, но оно выглядело так эффектно, что ее рука напоминала руку знатной дамы. Как и ожидалось от Серсинии, которая все делала так, чтобы выглядеть хорошо.

Серсиния закрыла ящик и взяла в руки черный плащ, висевший на стене. Она помнила

пронзительные взгляды в игорном доме, поэтому ей нужно было позаботиться об этом. Даже в рассказе Серсиния скрывалась, надевая черный плащ, когда выходила на улицу. Причина заключалась в том, что она обладала поразительной красотой, из-за которой люди роились вокруг нее, как мухи.

Несколько дней назад в игорном доме с ней заигрывали несколько человек. Их взгляды на нее, когда они делали вид, что не замечают ее, были тревожными. Она собиралась пойти просто за покупками, поэтому лучше ей не сталкиваться с такими раздражающими испытаниями. Она натянула капюшон поближе к лицу.

— Не слишком ли опасно идти одной?

У Бена, который мягкими шагами вошел в комнату, было мрачное лицо.

— Меня больше беспокоит то, что ты один. Не шевелись. Не разбей больше тарелку.

Бен не смог возразить и закрыл рот.

— Я скоро вернусь.

Она улыбнулась Бену, который вышел ей навстречу и сказал, что все будет хорошо.

Бен, казалось, сдался, зная, что она ни за что не возьмет его. Она пожелала, чтобы ее тарелки были в безопасности, когда она выйдет на улицу.

— Да, я буду ждать.

Бен слабо улыбнулся, когда Серсиния вошла в дверь, которую он открыл. Ветерок, нежно овевавший ее кожу, освежал. Легкими шагами она медленно спустилась с холма.

Чтобы добраться до деревни от ее хижины, расположенной в лесу, требовалось немного времени. Если идти уверенно, то можно было дойти за 20 минут. Когда она спускалась с холма, Серсиния повернула голову и подумала, хорошо ли Бен запер дверь.

Затем Бен широко улыбнулся и помахал рукой, видимо, ожидая, что она оглянется. Увидев его невинный взгляд, Серсиния рассмеялась и заторопилась. Слово «ждать» вызвало у нее приятные ощущения.

Когда бы она ни вошла в дом, ее всегда встречал холодный воздух. Теперь, когда кто-то ждал ее в холодном доме, в котором раньше не было ни намека на тепло, это было то, чего она ждала с нетерпением.

«Говядина будет лучше, чем тушеная курица».

Прощание Бена подняло ей настроение, поэтому она решила купить говядину, а не курицу.

http://tl.rulate.ru/book/44234/1782597